

Первое мое впечатление о Галине Жадушкиной относится к 1968 году. Курс оперетты Одесского театрально-художественного училища, руководимый М. А. Ошеровским, показывал свой дипломный спектакль — мюзикл «Трехгрошевая опера» по Брехту. Жадушкина играла Полли Пичем. Она выделялась в этом слаженном, ансамблевом спектакле, поставленном уверенной, мастерской рукой. Выделялась голосом и внешностью, озорством и юностью. И тем особым чувством сцены — хотя спектакль шел в фойе, — без которого немислим настоящий артист. Было ли в ней тогда что-либо, предвещавшее будущую ведущую актрису прославленной Одесской оперетты? Нет, пожалуй. Была просто актриса. Совсем юная. Неопытная. Но талантливая каждой клеточкой своего существа.

И вот теперь — Элиза Дулитл, Галатея XX века, взбунтовавшаяся против своего создателя... Сколько мировых имен прошло испытание этой ролью — от неповторимой Стреллы Патрик Кэмбелл, сыгравшей ее на 47-м году жизни, до Одри Хепберн, блистательно воплотившей ее в экранном-музыкальном варианте.

Двенадцать лет на сцене Одесского театра мюзикомедии эту роль с неизменным успехом играла заслуженная артистка УССР Людмила Сатасова.

Расставание с любимой ролью — трудное испытание для актера. Испытание на мужество и мудрость. Людмила Ивановна с честью выдержала это испытание. Она не просто уступила место своей молодой преемнице — она ввела ее в роль, передала все, добытое за двенадцать лет работы над

ПОРТРЕТ РОВЕСНИКА

образом. Передала щедро, матерински заботливо. Около полугода работали с молодой актрисой Л. И. Сатасова и режиссер В. М. Эгин.

В день дебюта волновались все: дебютантка, ее партнеры, наставники, вся труппа. Перед началом спектакля состоялся торжественный и праздничный церемониал передачи роли. В нем участвовали главный режиссер театра М. Ошеровский и первая исполнительница роли. И, конечно, зрители. Но вот закончился спектакль. Успех был полный! Под гром аплодисментов Жадушкина вручила своей учительнице первые цветы, полученные ею в роли Элизы, и большую коробку. В коробке оказалась кукла, одетая в костюм Элизы Дулитл. Так родилась еще одна театральная традиция...

Элиза Жадушкиной совсем непохожа на Элизу Сатасову. Более того — она неожиданна для самой Жадушкиной. Куда девались эксцентричность актрисы, ее бытовая в глаза эффективность? Я не помню более незаметного появления Элизы в первом акте. Без обычного шума, визга, суеты. Элиза Жадушкиной скорее просто ворчлива, чем агрессивна, дурно воспитана, нежели озлоблена. Язык актриса коверкает в меру, не превращая жаргон своей героини в аттракцион.

— Вы сказали ему, что я приехала на такси? — говорит она экономке Хиггинса миссис Пирс. И мы прежде всего слышим ее отчаянную попытку сохранить достоинство в непривычных для себя обстоя-

ЭТА СЕРЬЕЗНАЯ РОЛЬ

тельствах и уж потом это забавное «такси». Вообще, если попытаться одним словом выразить сущность характера, созданного актрисой, то, пожалуй, слова более точного, чем «достоинство», не найдешь. Эта монотонность, впрочем, не исключает многокрасочности. Из тончайших полутонов, мягких нюансов тклет актриса образ, достигая впечатления неожиданно целостного.

Эволюция образа всегда пробный камень для актера. Можно прекрасно сыграть Элизу-замарашку и Элизу — светскую даму, но это будут две разные Элизы, ничем, кроме сюжета, между собой не связанные. В замарашке Жадушкиной незримо присутствует леди, а леди невыразимо смешна своей школьной старательностью и частыми «сбоя-

ми» с великосветского тона на самый что ни на есть простонародный жаргон. Жадушкина любит соединять несоединимое. В этом ей помогает великий мастер парадокса Бернард Шоу. Великолепно проводит Жадушкина сцену урока. Мучительно, немислимо трудно даются ее Элизе эти sacramентальные «чашки чаю» и «Карл у Клары украл кораллы». И когда эти проклятые фразы, наконец, произнесены, Элизу охватывает радостное чувство освобождения. Она без конца, на все лады повторяет их, вслушиваясь в музыку их звучания, и лучезарная улыбка расширяется по ее личику. Но это не главное. Первая серьезная победа над собой раскрепостила чувство, которое Элиза скрывала даже от себя самой. Апофеоз любви излился в пленительном вальсе «Я танцевать хочу».

Жадушкина не просто прекрасно поет — она вся буквально растворяется в этом вальсе-признании. Она говорит зрителю гораздо больше, чем его, в общем-то, банальные слова. Вообще она всегда говорит зрителю гораздо больше, чем это предусмотрено текстом роли.

Как у музыканта бывает абсолютный слух, так у Жадушкиной — абсолютная органика. Она естественна — поэтому зритель верит каждому ее слову. Это драгоценное качество помогло ей «вжиться» в старей, отшлифованный годами спектакль. Нельзя, однако, сказать, чтоб эта «операция» прошла безболезненно: ввод всег-

да мучителен. Очевидно, поэтому Жадушкиной в этой роли еще не хватает блеска, той ослепительной феерии, которые отличают игру Шмыги и Сатасовой и которые являются неотъемлемой, специфической особенностью жанра оперетты.

А, может быть, этого и не будет? А будет полная, абсолютная раскованность, естественность и грация — при таком психологическом рисунке роли. Может быть, «шарм» Жадушкиной заключается именно в этом? Потому что, по моему глубокому убеждению, — никакая она не примадонна: она драматическая актриса, умеющая отлично танцевать, очень пластичная, обладающая изумительной музыкальностью и чарующим голосом. Если хотите — она принадлежит новому, синтетическому театру, в котором актер должен уметь абсолютно все. Но прежде всего он должен быть личностью.

Мадонны Леонардо и Рафаэля поражают наше воображение своими прекрасными выпуклыми, «мыслящими» лбами, непонятным образом сочетающимися с мягкими, детскими чертами лица. Облик Жадушкиной воскрешает сегодня этот парадокс прошлого. Хрупкая изящная фигура актрисы заставляет предполагать, что она поет высокой серебристой колоратурой, в то время как она ошеломляет нас низким, глубоким мешко-сопрано. В этой контрастности внешних и вокальных данных один из секретов обаяния молодой актрисы.

Б. ЕЗЕРСКАЯ.

* * *

На снимке М. Ильченко: Галина Жадушкина — Элиза Дулитл.